

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

С. Э. Сомов

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра литературы и межкультурных коммуникаций)

В статье анализируются отправные точки формирования мировоззрения видного деятеля эпохи Просвещения на украинских и белорусских землях православного архиепископа Георгия Конисского (в миру – Григорий Осипович Конисский, 1717–1795). Принципиальное значение в его судьбе сыграла глубокая религиозность семейной среды, в которой он воспитывался до 11 лет, а также пятнадцатилетний период обучения в Киево-Могиланской академии, где впоследствии он осуществлял преподавательскую деятельность как теоретик искусства, философ и богослов.

Наукой и жизнью многократно доказано, что наиболее важными этапами в формировании мировоззрения каждого человека являются раннее детство и ученичество. Зачастую идеи, воспринятые именно в эти периоды, на всю жизнь определяют характер личностного миропонимания, или, по крайней мере, проявляются в нем даже на фоне духовных кризисов и пересмотра взглядов и ценностей. Исходные мировоззренческие установки Григория Осиповича Конисского, известного в истории как Белорусский и Могилевский архиепископ Георгий, формировались в атмосфере украинской дворянской семьи, православного храма, полковой казачьей школы, а затем – Киево-Могиланской академии, в которой он обучался с 11 до 26 лет, осваивая полный курс гуманитарных, в буквальном смысле мировоззренческих дисциплин (богословие, философия, история, поэтика и др.).

Атмосфера украинской казачьей семьи в первой половине XVIII в. главным образом определялась православной верой и культурой. Религиозность пронизывала все сферы жизни: устройство семьи как Церкви (с патриархальным уважением к отцу, проецируемым на почитание Бога), устройство жилища как храма (с его сакрализацией, наличием «Красного угла», священных книг, молитвенного ритма), подчинение годового цикла трудовой и духовной активности церковному календарю (с его сменой будничных и праздничных дней, постами и мясоедами, памятью чтимых святых, именинами), наконец, подчинение всего цикла человеческой жизни установленной системе церковных таинств и обрядов (крещение, причащение, венчание, соборование, отпевание, погребение и поминовение).

Поэтому естественным образом с самого раннего детства, через общение со старшими поколениями, слушание молитв, священных текстов и проповедей (даже как храмового «фона»), уяснение смысла иконографических изображений, увиденных в храме и дома, и многое другое, именно религиозные представления о мироустройстве (при всем их восточнославянском двоеверном или «двоемиром» характере) входили в сознание ребенка, определяя его субъективную картину мира, представления о месте в нем человека и тех ценностях, которые определяют его поведение.

Во многих научных трудах, ораторских и художественных произведениях Георгия Конисского последующего времени проявлялась именно эта система православных представлений и ценностей. Например, в его многочисленных словах, обращенных к массовому, в большинстве своем неграмотному, слушателю, архиепископ Георгий чаще всего оперировал простонародными представлениями об устройстве мира в системе древних мифологических бинарных оппозиций, в частности «верха и низа», овеществленного Божественного Неба и в прямом смысле слова противопоставленного ему подземного ада.

Так, в «Слове на Рождество Христово» Конисский соотносит небо с землей как свет с тьмою, подлинное существование с неподлинным, а пространственный вектор простирает еще ниже, в глубины ада: «... Вулканы новые, не на горах уже, но и в дебрех открывающиеся, – утверждает Георгий, – указуют не окны уже ада, как доселе мы почитали Везувия и Этну, Геклу и другия немногия, но щели частыя его, яко уже тесная храмина его состарелася, и щели частыя указуя, хошет обвалиться, а на то место обняти и пожерти всю землю огнем» [1, с. 185].

В отношении семьи Конисских значение православных религиозных взглядов и ценностей представляется важным вдвойне и не только потому, что они проживали в украинском городе Нежине в период развитого религиозного массового сознания, но еще и потому, что относились к древнему и весьма уважаемому казачьему роду. Известно, что, несмотря на длительный период ополячивания и окатоличивания украинских земель, казачество как национально-военная социальная общность очень твердо стояло на позициях древнего православия, осознавая себя не только как защитников родной земли, но и «воинов веры», для которых вероотступничество есть потеря чести и жизни.

Биографических свидетельств о детских годах Григория Конисского сохранилось очень мало. Однако о формировании его личности на ранних этапах жизни можно судить по ряду косвенных данных. Чувство собственного достоинства и уверенность в себе, ярко проявившиеся впоследствии при общении Конисского с императорами, королями и идейными врагами, основаны на осознании своего социального статуса. Конисский по происхождению и образу жизни не был плебеем, а напротив являлся потомком свободных, достойных и уважаемых людей. Достаточно указать, что нежинский шляхтич Иеремей Конисский за заслуги перед короной имел именную грамоту короля Яна-Казимира на освобождение от податей и воинских постоев; дедушка будущего просветителя белорусских земель Иван Конисский был войтом, дядя Григорий Конисский в городском магистрате исполнял обязанности писаря и переводчика, а отец, Осип Иванович Конисский, служил сотенным урядником Нежинского казачьего полка, полковым выездим для сбора пошлин в г. Борзна, а позднее, с 1727 г., являлся бургомистром города Нежина.

Помимо светских «ориентиров на достоинство» Григорий имел и религиозные, причем существенные, главный из которых – старец Иов Конисский. Им очень гордились в роду, поскольку во второй половине XVII века он монахом подвизался в одном из древнейших и прославленных на Руси Киево-Пустынно-Николаевском монастыре на Оскольдовой могиле. Сохранились письменные свидетельства о его роли в церковной жизни Украины. Так, ведущий биограф Георгия Конисского протоиерей Михаила Буглаков указывает, что «в 1680 году старец Иов участвовал в избрании во игумена этого монастыря Варлаама Ясинского, впоследствии Митрополита Киевского, и поставил свою подпись за его кандидатуру на избирательном акте» [1, с. 61].

Таким образом, казачья воинственность, соединенная с глубокой религиозностью, проявившейся не только во всем творчестве Конисского, но, прежде всего, в факте принятия им монашества, а затем архiereйства, создала ту психологическую основу, на которой сформировался твердый характер яркого борца за свободу совести в Речи Посполитой. Мировоззренческую же основу его личности составили православные религиозные представления о Боге, бессмертной человеческой душе, об аде и Царствии Небесном, о грехе и добродетели, открывающей путь к спасению. Несмотря на известную иллюзорность религиозных представлений, они стали твердой «мировоззренческой матрицей» сознания Георгия на всю жизнь. Его академическая ученость (лучший выпускник Киевской академии, профессор трех ее кафедр, ректор, знаток нескольких языков и т. д.) впоследствии лишь наполнила эту универсальную матрицу новыми знаниями, как научного, так и ненаучного характера, но никогда уже ее принципиально не перестраивала.

Литература

1. Буглаков, М. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский / М. Буглаков. – Минск : Виноград, 2000. – 656 с.
2. Слова и речи Георгия Кониссаго, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литография Я. Н. Подземскаго, 1892. – 470 с.